

другой группе антропонимов выражают отношение определенной группы семей в прошлом к определенным лицам и слоям (бекам, духовенству)» (1, 324).

Антропонимы этой группы, относящиеся Джебраильскому району, следующие: Аллахверенли, Дошулу, Ярахмедли, Мирзаджанлы, Машанлы, Сулейманлы, Халафлы, Худаярлы, Худавердили, Ховуслу, Гасанлы, Шахвеледли, Шахвелли, Шыхалыагалы, Шукюрбекли, Нифталылар, Нийазгулулар, Гусейналылар и др.

Allahverənli - Аллахверенли – согласно информации местных жителей прежде название деревни Сафарша было Аллахверенли. Исторически в Азербайджане в значении «Бог» употреблялось слово «Тангры» (Танры). Но после принятия Ислама слово «Аллах» начало широко использоваться, и у этого слова была определенная роль в расширении антропонимической системы» (7, 265). Антропоним Аллахверен, встречаемый в Джебраильском районе, состоит из частиц «Аллах» и «верен», то есть антропоним образован от слова «Аллах», что по-арабски означает «бог» и причастия «верен» («дающий, дарящий, данный») азербайджанского языка. Этот антропоним переводится как «Богом данный», здесь окончание *-ли* выражает «относительность», «принадлежность».

Doşulu - Дошулу – находится в 18 километрах к северу-востоку от районного центра в административно-территориальной единице села Балянд. «Название села состоит из личного имени Дошу и окончания *-лу*, означающий принадлежность, и переводится как «потомки

Дошу», «дошунцы». Согласно информации местных жителей два брата – Дошу и Шейбек в свое время приехали из Южного Азербайджана и поселившись здесь, основали два населенных пункта – Дошулу и Шейбек» (2, 203).

Таким образом, исследование макроантропонимов Джебраильского района Азербайджана еще раз доказывает что, на этих землях испокон веков проживали наши древние предки и эту историю они увековечили в названиях населенных пунктов.

1. Гурбанов А.М. Ономалогия азербайджанского языка. Баку, Маариф, 1988, 596 стр. (на азерб.яз.).

2. Топонимы Азербайджана. Энциклопедический словарь. Баку, 1999, 588 с. (на азерб.языке)

3. Мирзоев О. Наши названия. Баку, Азернешр, 1986, 296 стр. (на азерб.яз.).

4. Большой толковый ономастический словарь Азербайджанского языка, книга 1, Баку, 2007, 353 с. (на азерб. языке)

5. Будагов Б.А., Гейбуллаев Г.А. Толковый словарь топонимов азербайджанского происхождения в Армении. Баку, Нафта-Пресс, 1998, 452 стр., (на азерб.яз.)

6. Бехбудов А. Исторические топонимы Джабраила // газета «Худаферин», 19 мая 1991 (на азерб. языке)

7. Халыгов Ф. Фольклорная ономастика. Баку, Элм, 1998, 137 с. (на азерб. языке)

Toponyms, including macroantonyms - being one of groups of toponyms of territories of Jabrail area of Azerbaijan - the native land of ancient Turkis, were formed on the basis of a national language. If the majority macroantonyms, which are object of the given research on the origin and genesis consist of the Arabian and Persian words are perceived and understood as native words in view of that they very much were included for a long time into dictionary fund of our language.

Гулиев Гейдар Иззат оглы

ПОНЯТИЕ “ЗНАЧЕНИЕ” В ДЕСКРИПТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Идея исключения значения при построении лингвистического знания не представлялась Боасу в какой-либо мере приемлемой. Боас не мыслил какой-либо возможности изучения культуры языка и языка вне и помимо значения как собственно человеческого фактора, как основополагающего элемента их бытия.

В своем «Введении», в котором Боас наиболее четко формулирует принципы объективного построения лингвистического знания, он пишет: «языки» различаются не только по характеру

составляющих их фонетических элементов и по звуковым группам, но также и по группам идей, находящихся выражение в фиксированных фонетических группах» [Боас, 1965: 114]. Выдвигая три достаточных, по его мнению, условия необходимых для объективного исследования языка, Боас специально замечает, что «необходимо учитывать группы понятий, выражаемых фонетическими группами» [Боас, 1965: 124].

Приведенные высказывания достаточно убедительно показывают, что Боас даже не мыс

лил возможности приближения к языку с позиций игнорирования значения, вместе с тем Боас предостерегает от возможных злоупотреблений значением в изучении языка. Для Боаса, следовательно, такие понятия, как идея, значение, мысль, отнюдь не являются псевдонаучными фикциями, irrelevantными лингвистической науке, что было свойственно отдельным работам Л. Блумфильда и его последователей. Иногда усиленно проводится взгляд, что “отрицание значения” в работах американских лингвистов идет от Леонарда Блумфильда. У многих лингвистов сложилось впечатление, будто Блумфильд “отрицает” значение вообще, исключает его из научного анализа языка. Отчасти это связано с последующими исследованиями дескриптивистов, которые еще более решительно ограничили обращение к смысловым критериям. В действительности позиция Блумфильда совершенно иная.

Подобно многим другим вопросам теории языкознания, проблема значения также решается им на основе понимания языка как набора речевых навыков: «... значение формы в навыках любого говорящего есть не что иное, как результат тех высказываний, в которых он ее слышал» [Блумфильд, 1968: 431]. Поскольку каждое высказывание порождается в конкретной ситуации, его значение всегда ситуативно: «Мы определили значение языковой формы как ситуацию, в которой говорящий ее произносит, и как реакцию, которую она вызывает у слушающего» [Блумфильд, 1968: 142].

При этом термин «ситуация» (situation) толкуется Блумфильдом очень широко: он охватывает не только «все предметы и события во Вселенной», окружающие говорящего [Блумфильд, 1968: 142], но и его «физическое состояние», «определенную предрасположенность его нервной системы» [Блумфильд, 1968: 144].

Понимаемая таким образом ситуация рассматривается Блумфильдом как состоящая из бесчисленного количества признаков (features), каждый из которых способен стать стимулом для произнесения какого-нибудь высказывания и определить реакцию на него. Тот конкретный признак, который в данной конкретной ситуации выступил в данной роли и привел в действие речевые навыки, становится, по Блумфильду, значением данного высказывания: «Стимул говорящего + реакция слушающего = значение речевого высказывания» [Bloomfield, 1939: 18].

При всем многообразии ситуаций некоторые из них имеют сходные признаки, с которыми в

навыках говорящих и слушающих устойчиво связаны определенные формы. Такие «дистинктивные признаки», выступающие в роли типовых реакцию, представляют собой «языковое (лингвистическое) значение форм» (linguistic meaning): «Ситуации, которые побуждают нас произнести какую-нибудь языковую форму, исключительно многообразны. Философы утверждают, что двух совершенно одинаковых ситуаций в действительности не существует. Даже в течение относительно непродолжительного времени каждый из нас использует слово *яблоко* применительно ко многим конкретным плодам, различным по величине, форме, окраске, запаху, вкусу и т.д. В простых случаях, в таких, например, как со словом *яблоко*, все члены языкового коллектива с детства обучены использовать данную языковую форму, когда ситуация (в данном примере определенный предмет) обладает известными, сравнительно легко определяемыми характеристиками (features) ... Вместе с тем вполне очевидно, что мы должны дифференцировать *недистинктивные* признаки ситуаций, такие, как величина, форма, окраска и т. д. какого-либо конкретного яблока, и *дистинктивные* признаки или *языковое значение* (семантические признаки), которые являются общими для всех ситуаций, вызывающих произнесение данной языковой формы, т. е. признаки, являющиеся общими для всех предметов, которые люди, говорящие по-английски, называют словом *apple* „яблоко”» [Блумфильд, 1968: 143 - 144].

Таким образом, «значение» (meaning), т. е. любой признак конкретной ситуации, который стал стимулом для произнесения данной формы, противопоставляется «языковому значению» (linguistic meaning), т. е. только таким признакам, которые в навыках носителей языка являются типовыми стимулами для произнесения этой формы. Но постоянно пользуясь этим противопоставлением в своих рассуждениях, Блумфильд не считал нужным проводить его сколько-нибудь последовательно терминологически: «Поскольку наше исследование обычно касается только дистинктивных признаков формы и значения, я буду в дальнейшем опускать определения „языковой” или „дистинктивный” и буду говорить просто о *формах и значениях*, игнорируя существование недистинктивных признаков». [Блумфильд, 1968: 144].

Отсюда и возникают недоразумения. Так, с одной стороны, Блумфильд утверждает, что «...в языке формы нельзя отделить от значений. Было бы неинтересно, и вероятно, не слишком про-

дуктивно изучать звуки языка, не рассматривая значения» [Bloomfield, 1970: 401], а с другой, категорически заявляет, что для того, «чтобы дать научно точное определение значения для каждой формы языка, мы должны были бы иметь точные научные сведения обо всем, что окружает говорящего» [Блумфилд, 1968: 142.]. Естественно, что это и дает возможность сделать вывод о «противоречивости позиции Л. Блумфилда в вопросе о значении». Недоразумение, однако, проясняется, если допустить, что в первом случае имеется в виду «языковое значение», тогда как во втором – значение конкретного высказывания, т. е. просто «значение».

Чарльз Фриз затратил немало усилий на доказательство того что Л. Блумфилд вовсе не игнорировал значения. Об этом говорится в его статье “Школа” Блумфилда и “Значение и лингвистический анализ”. Фриз пытается доказать, что принципиальное исключение фактора “значение” исходит не от Блумфилда. Он пишет: “Блумфилд усиленно старался избегать менталистских” терминов (“понятие”, “идея” и т. п.) при подаче лингвистического материала и полагал, что каждое истинное научное утверждение должно даваться в терминах физики. Однако из его стремления выразить все в физических, а не в “менталистских” терминах не следует, что он “игнорирует значение” или что он не “принимает во внимание значения” [Фриз, 1962: 101-102]. Доказательство того, что Блумфилд признавал роль “значения” в языке, Фриз усматривает, например, в следующем высказывании этого автора: “Человек произносит разнообразные звуки и использует это разнообразие при определенных типах стимулов он произносит определенные звуки, и его товарищи, слыша эти звуки, дают подобающий ответ. Короче говоря, в человеческой речи различные звуки имеют различные значения. Изучать связь определенных звуков с определенными значениями — значит изучать язык” [Блумфилд, 1968: 41-42]. Чтобы избежать возражений указанного порядка, дескриптивисты вводят понятие языкового значения формы.

По своему отношению к роли значения ученики Блумфилда распались на менталистов и механицистов. Первые (сам Блумфилд, К. Пайк, Ч. Фриз) считают, что нельзя игнорировать значение языковых форм. Вторые (З. Харрис, Б. Блок, Дж. Трейджер) полагают, что можно дать исчерпывающее описание языка без обращения к значению. По мнению З. Харриса, значение элементов языка хотя и существует, но не нужно для дистрибуционного анализа и для

лингвистики вообще. Он писал: “Здесь могут возникнуть возражения против того, что при определении элементов принимается во внимание также и значение, поскольку, например, при появлении звуков (или звуковых элементов) х и у в идентичном окружении они соотносятся с различными фонемами, если образование, содержащее их, составляет различные морфемы (например, [l] и [r] в окружении [-auf], life, rife). Однако это различие life и rife на основе значения есть различие, которое делают лингвисты, слепые к дистрибуционным различиям. В принципе значение следует привлекать только для определения того, что является повторением. Если мы знаем, что life и rife полностью повторяют друг друга, мы установим, что они различаются и по дистрибуции (а отсюда – и по «значению»). Можно предположить, что любые две морфемы А и В, имеющие разные значения, различаются тем или иным образом и в отношении дистрибуции: существуют окружения, в которых одна употребляется, а другая нет. Отсюда следует, что фонемы или звуковые элементы, встречающиеся в А, но не в В, различаются по дистрибуции в известной мере от тех, которые встречаются в В, но не в А” [Harris, 1961: 7]. И несколько далее Харрис поясняет и конкретизирует свою мысль: «Следует отметить, что дистрибуционная процедура способна на большее, чем может дать обращение к критерию значения или чему-либо подобному. Дистрибуционная процедура, будучи установленной, позволяет без особых трудностей осуществлять определение таких пограничных случаев, которые с помощью критерия значения нельзя определить или которые допускают противоречивое толкование. Так, дистрибуционный способ более громоздок при определении того, следует ли членить boiling на boil+ing (подобно talking) или же boy+ling (подобно princeling). Но дистрибуционный способ вместе с тем способен установить, следует ли sight членить на see +t, a flight на flee+t (подобно portray и portrait) с такой же точностью, как и в случае с boiling. А критерий значения не может быть решающим для этих форм» [Harris, 1961: 8].

Дж. Трейджер и Г. Смит пишут по этому поводу: «При современном состоянии морфемного анализа удобно использовать значение отрезков высказывания в качестве общего руководства и наиболее быстрого способа для идентификации морфем. Это особенно рекомендуется, когда исследователь имеет дело с языками более и менее ему известными, и

давало до сих пор положительные результаты в большинстве случаев морфемного анализа. Однако, когда мы сталкиваемся с языком, который нам малоизвестен с лингвистической точки зрения, становится ясным, что значение вряд ли во многом сможет нам помочь» [Trager & Smith, 1951: 54].

Г. Глисон понимает вопрос иначе. Пользуясь формулировками датского структуралиста Ельмслева, он делит язык на две составные части – «содержание» (content) и «выражение» (expression). «Для того чтобы найти фонему (в английском языке), - пишет он, - мы выбираем для сопоставления примеры из разговорного английского языка, которые должны отличаться как по «содержанию», так и по «выражению». Так, *Bill* (мужское имя) и *bill* («счет») совершенно различны по «содержанию», но идентичны «выражению». Если мы прочтем вслух одно из этих слов вне контекста, то никто не сможет сказать, которое из двух было прочитано. Различие в «содержании» не сопровождается здесь различием в «выражении». Такая пара слов никак не помогает установлению фонем в английском языке. Напротив, взятые для сопоставления *bill* и *pill* различаются как по «содержанию» так и по «выражению». Последнее различие поможет слушающему дифференцировать эти слова и увязать их с соответствующим «содержанием»» [Gleason, 1970: 15].

Пользуясь понятиями «содержание» и «выражение», Глисон определяет значение как отношение между «выражением» и «содержанием», уклоняясь тем самым от вопроса о значении.

Фриз различает, во-первых, «social-cultural meaning» в широком смысле слова и собственно «linguistic meaning», а также «lexical meaning» и «structural meaning». Существенными для него являются структурные, или, как называет их Блумфилд, конструкционные (иначе – функциональные), значения. По Блумфилду, конструкция включает в себя множество упорядоченных единиц или позиций, которые могут заполняться только определенными формами. Позиции, в которых может появляться форма, являются ее функциями. Все формы, которые могут стоять в какой-либо определенной позиции, т. е. все формы с одними и теми же функциями, образуют класс форм. Значение конструкции, соответствующий ей комплекс «раздражитель–реакция» он называет конструкционным значением (например, повествовательное,

повелительное предложения), значение же позиции – функциональным значением (например, подлежащее, дополнение). Итак, структурные значения представляют собой синтаксические значения отношений, которые «сигнализируются» при помощи формальных средств. Эти формальные сигналы, которые обуславливают различие в структурном значении, являются поэтому для Фриза собственным объектом исследования, и он требует также формального описания языка.

Эти соображения нашли практическое отражение в его анализе английского предложения. Следуя за Блумфилдом, Фриз решительно выступает против традиционного понимания синтаксиса, согласно которому значение — «основа» исследования. Он придерживается мнения, что «грамматика языка состоит из элементов, сигнализирующих структурные значения» [Fries, 1952: 56], и предполагает, что эти структурные сигналы – чисто формальны и могут описываться «в физических терминах форм, соотношений этих форм и их перестановок» [Fries, 1952: 58]. Кроме того, он полагает, что эти формальные сигналы функционируют в определенной системе. Элементы формы и перестановки могут быть сигнализирующими, только если они являются частью моделей структурного целого.

1. Боас Ф. Введение к «Руководству по языкам Американских индейцев» — В кн.: Звегинцев В. (1965), История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях, ч II. М.: Просвещение, с. 170-181.

2. Блумфилд Л. (1968), Язык. М.: Прогресс, 606 с.

3. Bloomfield L. (1939), Linguistic aspects of science //International encyclopedia of unified science. V. III. Chicago, 59 p.

4. Bloomfield L. (1970), Meaning //A Leonard Bloomfield Anthology. Bloomington,

5. Фриз Ч. Значение и лингвистический анализ //Новое в лингвистике. (1962), Вып. II. М.: Изд. иностр. лит., с. 98-116.

6. Harris Z. (1961), Structural Linguistics. Chicago: The University of Chicago Press, 348 p.

7. Trager G. and Smith H. (1951), An outline of English structure. Norman (Oklahoma), 91 p.

8. Gleason H. (1970), An introduction to descriptive linguistics. London: Holt, Rinehart, Winston, 503 p.

9. Fries Ch. (1952), The Structure of English. New York: Harcourt, Brace & World, 304 p.

* * *

In descriptive linguistics exists differences of opinion on the role of meaning in linguistic research. Some descriptivists took the meaning into consideration in linguistic analysis but others rejected meaning in linguistic analysis.

Key words: descriptive linguistics, notion of meaning, mentalist, mechanist (antimentalist), distribution.